

УДК 39(470.51)+94(470.51)

А.Е. Загребин, А.А. Иванов

**ШТРИХИ К ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСТВА УРАЛО-ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРВОЕ
ПОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ
(по новым источникам из НОА УИИЯЛ УрО РАН)***

Рассматривается проблема введения в научный оборот новых документальных материалов по истории и культуре многонационального крестьянства Урало-Поволжского региона, полученных в результате анкетирования, организованного в 1924–1927 гг. Вятским научно-исследовательским институтом краеведения.

Ключевые слова: краеведение, П.Н. Луппов, нацменьшинства, анкеты, крестьянский мир.

«Золотое десятилетие» советского краеведения (20-е гг. XX в.)¹ оставило о себе память не только вкладом научно-исследовательских учреждений и общественных организаций в изучение родного края, но и тем, что выдвинуло плеяду ученых-профессионалов и любителей-энтузиастов, работавших над сохранением документального наследия современников, устной истории и всего того, что в противном случае было бы обречено на исчезновение.

Спектр вопросов, интересовавших краеведов, был чрезвычайно широк. Но особую страницу их изысканий составили явления и факты совсем недавних событий, прежде всего, связанные с Октябрьской революцией 1917 года. Здесь почти сразу обнаружились различные направления поисков, одним из которых была попытка выяснить, как повлияла революция на повседневную жизнь простого человека – обычного крестьянина.

Подобные задачи ставились многими краеведческими учреждениями, одним из которых был Вятский научно-исследовательский институт краеведения². Разработки сотрудников института составили впечатляющий корпус источников. Изданный в 2008 г. Удмуртским институтом истории, языка и литературы УрО РАН и Марийским госуниверситетом сборник документов о жизни нерусского крестьянства («нацменах») Вятского края в 1920-х гг. лишь первый шаг на пути освоения выявленных источников³.

Павел Николаевич Луппов (1867–1949), а именно об его творческой лаборатории преимущественно пойдет речь в настоящей статье, заведующий отделом истории местного края Вятского НИИ краеведения и преподаватель Вятского пединститута им. В.И. Ленина, дополнял свои научные поиски прикладными археографическими данными, собираемыми путем опроса местного населения по специальным вопросам (анкетам). Живой эмпирический материал, собранный подобным путем, мог существенно насытить общеизвестные факты, придать им своеобразный национальный колорит. Имеющиеся в нашем распоряжении сохранившиеся подлинники документов действительно подтверждают задумку П.Н. Луппова и по своему содержанию являются важным дополнением к информационной базе целой группы гуманитарных наук: истории, этнографии, фольклористики, языкознания и т.д.

Напомним, что научные планы П.Н. Луппова не ограничивались вятской историей. Много внимания он уделял прошлому и настоящему финно-угорских народов края и внес большой вклад в историографию и источниковедение истории удмуртов⁴. Тесное сотрудничество с научными организациями Вотской автономной области (позднее Удмуртской АССР), публикация трудов в Ижевске способствовали тому, что часть его личного архива вошла в состав научно-отраслевого архива Удмуртского НИИ (ныне Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН). Среди бумаг П.Н. Луппова было обнаружено дело, полностью состоящее из заполненных анкет и результатов их первичной обработки в виде сводок⁵.

На основании подробного разбора документов было выявлено, что большая часть архивного тома представлена ответами на программу о пореволюционных изменениях в экономике, социальной и духовной жизни «нацмен», то есть, по терминологии того времени, любых нерусских этносов, не

* Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Историко-культурное наследие и духовные ценности России». Направление 8. Музейные и архивные фонды: изучение, введение в научный оборот, обеспечение нового качества доступа к культурному наследию. Проект: Новые источники по истории и культуре финно-угорских народов Среднего Поволжья и Приуралья.

обязательно уступавших по численности русскому населению. Кроме того, были выявлены анкеты, заполненные по условно обозначенной «Программе по собиранию сведений о прошлых временах Вятского края». К настоящему времени эти материалы введены в научный оборот⁶.

Обратимся к первому из интересующих нас комплексов документов, напрямую связанных с пореволюционной жизнью нерусского населения Урало-Поволжского региона. Известно, что идея анкетирования зародилась в ходе институтских занятий по методике краеведения в 1924/25 учебном году. Тогда же был разработан первый рукописный вариант опросного листа под заголовком «Влияние революции на быт нацмен»⁷.

Формуляр опросного листа открывался указанием на административную подчиненность данного населенного пункта и обязательно на этническую принадлежность его жителей. Основная часть анкеты включала 79 формальных пунктов, в большинстве своем с одним, реже с двумя-тремя вопросами, помещенных в пять разделов: «Влияние революции на экономическое положение нацмен» (п. 1–22), «Влияние революции на нацмен в области семейной жизни» (п. 23–37), «Влияние революции на общественный быт нацмен» (п. 38–52), «Влияние революции в области религии» (п. 53–73), «Влияние революции в области языка и народного творчества» (п. 74–79).

В фондах научно-отраслевого архива Удмуртского института истории, языка, литературы УрО РАН выявлено 59 документов, имеющих отношение к сбору сведений о «бытовых» изменениях в послереволюционный период. Заполненные опросные листы, датируемые серединой 1920-х гг., дополнены своеобразными сводками целиком или частью обработанных первичных материалов.

Большая часть опросных листов поступила из удмуртских населенных пунктов, охвативших в территориальном плане все три уезда Вотской АО, два уезда Вятской губ. и три кантона Татарской АССР. Полиэтничностью отличаются анкеты по Вятской губ., где, наряду с удмуртами, были опрошены представители татарского и коми-пермяцкого народов. Две анкеты были заполнены в марийских деревнях Марийской АО (см. табл.).

Анкеты Вятского НИИ краеведения «Влияние революции на быт нацмен» по территории и народностям

Территория	Всего анкет	Распределение анкет по этническому составу населения				
		Коми-пермяки	Марийцы	Татары	Удмурты	Смешанный
Вотская АО	29				27	2
Глазовский уезд	7				7	
Ижевский уезд	4				4	
Можгинский уезд	18				16	2
Вятская губ.	11	3		4	4	
Малмыжский уезд	4			2	2	
Слободской уезд	4			2	2	
Халтуринский уезд	3	3				
Марийская АО	2		2			
Сернурский кантон	2		2			
Татарская АССР	6				6	
Арский кантон	2				2	
Елабужский кантон	1				1	
Мамадышский кантон	3				3	
Итого	48	3	2	4	37	2

Не все анкеты точно идентифицируются в этническом отношении. Часть из них дает информацию по более крупным, чем отдельный населенный пункт, территориальным образованиям. Поэтому сообщаемые в них сведения носят, скорее всего, интернациональный характер, за исключением прямых указаний на обычаи и традиции представителей того или иного этноса. В нашем распоряжении есть опросные листы, охватывающие так называемые районы, то есть территории укрупненных сельских советов с несколькими, иногда более десятка, населенными пунктами, волости и целые уезды.

Информация, содержащаяся в анкетах П.Н. Луппова, настолько обильна и многогранна, что для всестороннего ее анализа потребовалось бы написать небольшой монографии. Поэтому, используя ограниченные рамки статьи, попытаемся дать пробную источниковедческую оценку только одного, но наиболее представительного из пяти разделов – «Влияние революции на экономическое положение нацмен». Анализу подвергнуты все 22 вопроса из опросных листов, а также две тематические подборки.

Первый крупный блок (п. 1–6) данного раздела посвящен характеристике поземельных отношений местного крестьянства. Опрашиваемым необходимо было показать количественные и качественные изменения структуры землепользования после 1917 г., а именно: размеры наделной и посевной земли, «изменения в технике передела» (переход к новым или сохранение старых разверсточных единиц), определенные сдвиги в рационализации эксплуатации наделов, например переход к широким полосам, роль единоличного землепользования на хуторах и отрубках и их судьбы в ходе революции и некоторые другие моменты.

Специфика земледелия в условиях преимущественно смешанной и предтаежной полосы, с доминированием лесных массивов, отсутствием «нетрудового» пашенного фонда наложила свой отпечаток на довольно индифферентное отношение основной массы сельского населения Вятского края к протекавшим земельным реформам (исключая самые южные районы). Известная по работам историков крестьянства Удмуртии и Марий Эл относительная стабилизация земельного фонда еще со второй половины XIX в.⁸ мало подверглась изменениям спустя десять лет после установления нового режима. В сообщении респондента по Можгинскому уезду прямо было указано, что «за период революции количество наделов по данному району не увеличилось (отсутствие помещиков в уезде)»⁹. Если какие-либо элементы нетрудового фонда имелись, то они пускались в раздел в ближайшие год-два после революции (дер. Монашево Камаевской вол. Елабужского кантона и Лёзя-Пойкино Вахитовской вол. Мамадышского кантона)¹⁰. Не предпринимались и попытки волостного землеустройства, что должно было сдвинуть границы угодий населенных пунктов. По большинству анкет никаких дополнительных прирезок местные жители за небольшими исключениями («прибавили покосы для дер. Тукташ 2 дес. и для Ново-Волкова 7 дес.» – Ягошурская вол. Глазовского у.) не получили, а если это и происходило, то уточнения лишь показывают ничтожность подобных добавок. Наоборот, есть данные о сокращении наделных фондов крестьянских обществ. Так в дер. Вотское Кизеково Алнашской вол. Можгинского у. 91 дес. наделной земли перешла к соседней деревне¹¹. Еще более запутанной была ситуация с деревней Поляково Троцкой вол. Можгинского у., у которой 42 дес. перешло к «татарам»¹².

Равным образом не могла увеличиваться посевная площадь при господствовавшем повсеместно трехпольном севообороте, а скорее сокращалась вместе с размерами пашни, иногда весьма существенно: по дер. Истошур Ягошурской вол. Глазовского у. до 60 % от довоенного уровня¹³. То же видим из анкеты по Парсь-Гуртскому р-ну Нылги-Жикьинской вол. Ижевского у., где главной причиной сложившегося положения названа разруха, но к апрелю 1925 г. посевная площадь «увеличивается уже»¹⁴. Редкие, не укладывающиеся в общие рамки показания мы встречаем, в частности, по расположенной в хлебопроизводящей полосе татарской дер. Ирюк (Малмыжской вол. Малмыжского у.), увеличившей посева на 300 дес.¹⁵, а в удмуртской деревне Круглово той же Вятской губ. (Ярославская вол. Слободского у.) «посевная площадь, без сомнения, после революции увеличилась на 100 процентов по сравнению с военным временем». Последняя информация вызывает некоторые сомнения, так как названная деревня дополнительной прирезки не получила¹⁶.

Единственным элементом демократизации поземельных отношений можно считать показанный в материалах опроса переход от прежних «душ», обычно еще ревизских или мужских, к новым разверсточным единицам – едокам обоего пола, что было действительным следствием аграрной революции в привычном понимании. Приведем пример по дер. Нослы Малмыжской вол. одноименного уезда, по которой «количество не изменилось, но изменилось землепользование; раньше была с мужского пола, а после 1917 года по едокам с обоего пола»¹⁷. Аналогичным образом, отвечая об изменениях в технике переделов, крестьяне-марийцы дер. Шукшиер Нурбельского р-на Сернурского кантона констатировали: «Вся земля была распределена между всеми поровну, в зависимости от количества едоков»¹⁸. Однако обычно этим все и ограничивалось. Да и это явление было не повсеместным. Тотальное господство общины, даже в условиях выбора форм землепользования после принятия Земельного кодекса РСФСР 1922 г., признавалось почти всеми респондентами. Выход на хутора и отруба, мелкие поселки и создание коллективных хозяйств для времени расцвета нэпа все еще ред-

кость. Такие попытки осуществлялись преимущественно либо в крупных населенных пунктах, особенно стесненных общинными узами, либо по инициативе заинтересованных хозяев, стремившихся к образцовому хозяйству, к числу которых можно отнести автора анкеты – уроженца дер. Пусошур Ягошурской вол. Глазовского у.¹⁹ Один из респондентов напрямую связал возможности, предоставленные для реализации своих давних устремлений, с новым аграрным курсом государства. Вот что было написано в ответе на п. 5 анкеты из Нылги-Жикьянской вол. Ижевского у.: «Революция дала стимул выселяться крестьянам на отруб без подразделения на нацменов; группами стали выселяться из общества как русские, так и удмурты на окраины полей». Но и на этом пути было немало трудностей, хорошо известных историкам-аграрникам, так как выход в той или иной форме из общины неизбежно должен был производиться за чей-то счет, поскольку «переходящие стараются взять себе земли более удобные, что, конечно, заставляет смотреть остальное население как на перехват хороших мест» (дер. Сильво Шарканской вол. Ижевского у.)²⁰.

Консервация общинных порядков тормозила стремление части земледельцев рационализировать способы эксплуатации надельной земли. Например, преодоление такого порока общинного землеустройства, как мелкополосица в трех деревнях, населенных коми-пермяками: Талице, Мутнице и Слудке (Слудской вол. Халтуринского у.) – было реализовано только под влиянием событий в волостном центре, где крестьяне перешли на широкие полосы²¹. В большинстве же случаев мы сталкиваемся с обычными сетованиями на нежелание большинства крестьян менять структуры внутринадельного землеустройства.

Одним из самых информационно насыщенных был пункт седьмой, о судьбах лесного хозяйства. Заслуживает внимания сама постановка проблемы: «Не изменилось ли в селении (районе) количество надельного леса, не получило ли селение новую нарезку и в каком количестве десятин, или, напротив, у населения изъята часть леса? Какие изменения в порядке пользования надельным лесом произведены революцией относительно размера леса на каждый двор, а также сроков рубить лес для продажи?». Столь пристальное внимание определялось, конечно же, особой ролью лесных промыслов и вообще леса в системе жизнеобеспечения крестьянского хозяйства обширного Вятского края, особенно его финно-угорского населения. Для крестьянина лес был не только источником снабжения хозяйства древесиной, но и сферой приложения разнообразных сельскохозяйственных и несельскохозяйственных занятий. Крестьяне края издревле использовали лесные площади для сенокосения, пастьбы скота, а принимая во внимание недостаток распаханной угодий, и для земледелия, и, наконец, в культовых целях.

Декретом ВЦИК от 27 мая 1918 г. все леса в стране были объявлены национализированными и перешедшими в непосредственное распоряжение государства²². 25 марта 1920 г. декретом СНК РСФСР было принято «Положение о государственной монополии на лесные материалы»²³. Лишь с принятием ВЦИКом 7 июля 1923 г. Лесного кодекса РСФСР существовавшее положение переименовалось. Статья 3 Лесного кодекса обязала Наркомзем «в 2-летний срок обследовать и передать трудовым землепользователям лесные участки местного значения и земельные площади, не имеющие лесохозяйственного значения, для обращения последних в сельскохозяйственные угодья на удовлетворение нужд того же населения»²⁴. Процедура была проведена достаточно скоро. Например, в Марийской АО на 1 октября 1925 г. леса местного значения были переданы пользователям на 95 %²⁵. Другое дело, что еще до революции многие сельские общества вообще не имели собственных лесов и были вынуждены приобретать лесоматериалы в казенных дачах. Поэтому в начальные годы нэпа, как показывают ответы респондентов, сложилась довольно пестрая картина лесопользования сельского населения в отличие от землепользования, где часть крестьян еще могла претендовать на увеличение угодий.

В пп. 8–14 раздела поднималась еще одна из наиболее животрепещущих проблем сельского хозяйства периода нэпа, а именно степень его интенсификации в целом и определение перспективных направлений как в земледелии, так и в животноводстве.

Первоначально стоял вопрос (пп. 8, 9) о самом обсуждаемом современниками приеме в агротехнике: системе доминирующего севооборота и наиболее прогрессивном для того времени новшестве – введении травосеяния. В этом направлении «новейшие» технологии только еще начали проникать в национальную деревню Приуралья, местами многопольный севооборот действительно начал закрепляться, но эти случаи были единичными, да и сама подобная процедура находилась в наиболее примитивной (четырепольной) форме. Влияние революции, затем голода 1921–1922 гг. ситуацию усугубило. Многопольные севообороты исчезли даже там, где прежде были. Такую же судьбу часто

разделяли и посевы кормовых трав, тесно с ними связанные. Господство дедовской трехполки было абсолютным, что, впрочем, было характерной чертой земледелия крестьянского хозяйства любого региона России доколхозного периода. Самые распространенные ответы респондентов по поводу системы севооборота: «Обычный. Случаев перехода от старого севооборота к новому не замечается» (дер. Зотино Балезинской вол. Глазовского у.); «Трехпольный, и перехода к новому нет» (с. Асаново Алнашской вол. Можгинского у.); «Севооборот исключительно трехпольный, и в настоящее время никаких переходов нет» (дер. Шукшиер Нурбельского р-на Сернурского кантона) и т.д.²⁶

Те новшества, которые все-таки находили применение в сельском хозяйстве, обычно были связаны не с общинной организацией. В анкетах если и пишется о многополье и травосеянии, то применительно к коллективным хозяйствам или хуторянам и отрубникам, как в дер. Чумашур Зуринской вол. Глазовского у., дер. Талице Слудской вол. Халтуринского у., про земельные же общества говорится лишь о появлении «симпатий» к необычным для большинства крестьян технологиям. Не обошлось и без этнографических деталей, когда по Нылги-Жикьинской вол. Ижевского у. в качестве инициаторов перехода, в данном случае к девятиполью, были названы русские крестьяне в смешанном коллективном хозяйстве²⁷. Распространению травосеяния с последующим переходом к многопольным севооборотам мешали и объективные причины, также названные в ответах на 8-й и 9-й пункты анкеты. Главные среди них – отсутствие семян кормовых трав (имеется несколько подобных показаний) и «отсутствие опытных руководителей и агрономов», «нет агросилы» (Балтасинская вол. Арского кантона, Камаевская вол. Елабужского кантона)²⁸.

В качестве дополнительного штриха к сказанному следует добавить отдельные указания на проявления архаики в сфере землеустройства (редко прослеживаемые по другим источникам) – сохранение двуполья (дер. Вамья Нылги-Жикьинской вол. Ижевского у., дер. Сосновый Ключ Больше-Учинской вол. Можгинского у.²⁹) и захватно-заимочной системы, причем на последнюю, судя по всему, новые порядки после 1917 г. не распространялись (с. Мутница Слудской вол. Халтуринского у.)³⁰.

Пристального внимания заслуживают ответы на два последующих пункта (пп. 10, 11). Именно они должны были показать, что нового внесли революционные веяния в традиционную земледельческую культуру народов приуральского региона. И ответы на них поступили в большом количестве. Действительно, почти все анкеты института краеведения говорят о появлении совершенно новых сельскохозяйственных культур, о которых раньше мало что было известно местным крестьянам: гречи, проса, чечевицы, клевера, вики, турнепса и т.д. Объяснение этому факту на самом деле довольно простое. В условиях политики продовольственной диктатуры продрозверстка на крупяные и овощные культуры не распространялась, чем и воспользовались крестьяне, применяя один из вариантов «оружия слабых». Как гласят ответы на этот пункт анкеты по дер. Вотское Кизеково Алнашской вол. Можгинского у., появились «частично: греча, пшеница, озимые, кормовые»³¹, также в Можгинском у.: «Сеют в некоторых крестьянских хозяйствах чечевицу, раньше ее не было», а по данным из дер. Истошур Ягошурской вол. Глазовского уезда посевы гречи достигли под влиянием голода 35 % ярового клина³². Более показательны сводные данные по большинству объектов Вотской АО и частично Вятской губ.: «Из новых культур после революции введены: по Глазовскому уезду греча. В Глазовской вол., кроме гречи, клевер и вика. В Зуринской вол. просо и турнепс. В Ижевском уезде тоже греча; в Можгинском у. введена чечевица. В Кругловском районе в дер. Круглово введены просо и греча, в другой деревне Кругловского района не вводят новых культур»³³. Помимо продрозверстки, на появление новых культур в традиционном севообороте крестьянства Вятского края повлияли голод 1921–1922 гг. и централизованная помощь по его преодолению со стороны государства, на что тоже имеются отсылки. Не случайно, как только крестьяне смогли поправить свои хозяйства к середине 1920-х гг., об этих культурах стали вновь забывать, о чем и писали респонденты института краеведения (дер. Тукташ, Новое Волково, Ситники Ягошурской вол. Глазовского у., Шукшиер Нурбельского р-на Сернурского кантона и др.)³⁴. Предельно четко об этом сказано в показаниях по дер. Сильво Шарканской вол. Ижевского у.: «В период голодных годов, когда не было семян, сеяли много и гречи, и просо, и лен, и картошку, также в огородах разные культуры, но теперь уменьшается»³⁵.

В некоторой степени по этому же сценарию шло распространение огородничества в годы, предшествующие опросу, хотя и не повсеместно (примерно в половине случаев, по которым есть ответы)³⁶. Так, в дер. Монашево Камаевской вол. Елабужского кантона в связи с голодом площади под огородами увеличились в 2–3 раза³⁷. По этой же причине, что было для времени нэпа новшеством, посадки картофеля перешли в поле и вообще стали занимать больше площадей даже в огородах (Яро-

славская вол. Слободского у., Ягошурская вол. Глазовского у., Можгинский у.³⁸). Но в данном случае, очевидно, часть селян обратила внимание на потенциальные возможности интенсификации земледелия через приусадебные участки с использованием парниковых культур и сортовых семян.

Тем не менее, переход к интенсивному огородничеству был только в самом начале. По подсчетам, сделанным одним из студентов пединститута по семи селениям Арского кантона, «лучшие» семена действительно приобретаются для «парниковых» культур, но занимается этим только 2,3 % населения³⁹. О минеральных удобрениях встречается только одно косвенное упоминание, хотя такой вопрос и стоял в перечне возможных «улучшений». Нельзя обойти вниманием примечательный факт, отраженный только в одном опросном листе, но заслуживающий упоминания ввиду своей исключительности. Интенсификация земледелия в некоторых ответах ставилась в зависимость от полученного зарубежного опыта. Поневоле оказавшись в европейских странах, некоторые крестьяне использовали распространенные там технологии сельскохозяйственного производства на родине и, судя по всему, добивались успеха. По ответу, полученному из дер. Чумашур Зуринской вол. Глазовского у., в тех хозяйствах, где кто-либо побывал в плену в Германии или Австрии, приобретаются разнообразные сорта семян, сеются пропашные культуры (корнеплоды) и проводится удобрение «полным удобрением»⁴⁰.

Следующим неизменным условием реформирования сельского хозяйства «нацмен», по мнению П.Н. Луппова, должен был стать переход к более совершенным орудиям обработки почвы, уборки и обработки урожая (п. 12 анкеты). Причем не только в практической сфере. Ученого интересовал вопрос об изменении самих взглядов представителей нерусского крестьянства региона на эти новшества. Именно в такой плоскости был поставлен единственный вопрос пункта 13: «Не изменился ли взгляд нацмен на машинную и ручную обработку?».

Применение сложных (для 20-х гг. XX в.) сельскохозяйственных машин на конной тяге едва ли можно считать новшеством для первых послереволюционных лет. Большинству сельских жителей Вятского края они так или иначе были известны, если не в своей деревне, то по слухам из других районов. Как свидетельствует анкета, заполненная в целом по Можгинскому у., «местами заведены жнейки, косилки, а о тракторах и не слышать, не было даже запросов»⁴¹. Хотя имеется немало ответов с безразличным отношением к улучшению материально-технической базы крестьянского хозяйства или с отрицанием каких-либо новшеств в этом деле, либо полным непониманием его существа. Иногда под такими новшествами понимался не более чем переход от сохи к плугу (дер. Нослы Малмыжской вол. и уезда⁴²). Любопытный ответ на п. 13 пришел из Камаевской вол. Елабужского кантона: «Да. Ручную обработку не хвалят и, наоборот, над работающими машинами смеются, как будто они лентяи»⁴³. В дер. Слудка одноименной вол. Халтуринского у. возможности использования новейших достижений техники в земледелии заинтриговали крестьян, «но не имеют понятия в машинной обработке и думают, как бы хуже не было»⁴⁴.

Общее мнение респондентов, независимо от этнической принадлежности, сводилось к тому, что начинание это, вне всякого сомнения, выгодное для крестьянского хозяйства. Единственным препятствием на пути «машинизации» были материальные затруднения, вынуждавшие крестьян отказываться от покупки даже самого необходимого, например рабочего скота. От этого фактора и зависела обеспеченность приуральских деревень сложной сельскохозяйственной техникой. Хотя и в данном случае ответы разные. Если в документах, где приводятся показания по крупным районам, чаще говорится о наличии сеялок, веялок, жаток, молотилок, льномялок и т.п., то в анкетах, заполненных на материалах конкретных населенных пунктов, ситуация, скорее, более достоверна и отражала истинное положение вещей. В последнем случае обычно приводятся данные об ограниченном использовании машинной техники. В дер. Вотское Кизеково Алнашской вол. Можгинского у. жнейки и косилки имелись только у «отдельных домохозяев», в дер. Пусошур Ягошурской вол. Глазовского у. нечто подобное было только у одного двора, в дер. Монашево Камаевской вол. Елабужского кантона машинную обработку применяли «3 или 4 % хозяйств» и т.д.⁴⁵ Есть и обратные примеры – дер. Верхняя Юмья Кукморской вол. Мамадышского кантона, в которой к машинной обработке перешла четверть селения, а в дер. Кадиково Алнашской вол. Можгинского у. «из 60 дворов 12 дворов обрабатывают машинами»⁴⁶. Примечательно, что эксплуатация сельхозмашин обычно наблюдалось в тех населенных пунктах, где эти традиции были заложены ранее, соответственно и сами агрегаты были с дореволюционным прошлым. Другой, пожалуй, наиболее перспективный путь внедрения сложных сельскохозяйственных орудий пролегал через кооперирование крестьянских хозяйств и использование кредитов.

Два вопроса были поставлены в отдельно выделенном пункте первого (п. 14) раздела анкеты о развитии второй по значению отрасли крестьянского хозяйства – животноводства. Опрашиваемым следовало отметить количественные и, главное, качественные изменения в нем в общем виде; а также привести точные цифровые данные о стаде до и после революции в конкретной деревне по отдельным видам скота.

Что касается первого из вопросов, то ответы респондентов, как и в предыдущем случае, напрямую зависели от степени охвата описываемой территории. Если в целом по уездам, волостям и районам, как правило, имелись какие-либо сдвиги в плане улучшения качества стада, под которыми подразумевалось, прежде всего, появление породистого скота, то картина по отдельно взятым земельным обществам складывалась примерно из половинного соотношения традиций и новаций. По сводным данным из уездов Удмуртской автономии известно следующее: «После революции в Глазовском уезде стали улучшать породу скота и увеличивать количество...; в Зуринской вол. улучшение породы скота выражается только введением породистых свиней. В Можгинском и Ижевском у. тоже стали улучшать породу скота: в Можгинском у. имеются коровы полушведки и ярославки...»⁴⁷. В населенных коми-пермяками деревнях Слудской вол. Халтуринского у., наоборот, «породу скота после революции не улучшают»⁴⁸. В большинстве ответов, тем не менее, говорится о том, что местное население старается как-то качественно изменить животноводство, но для этого не хватает средств. Можно встретить упоминания лишь об отдельных попытках подобных экспериментов, в некотором роде экзотических для окружающих односельчан. Единичные случаи появления породистого скота отмечены в одной из анкет по Слободскому у., событием же для коми-пермяцкого с. Мутница Слудской вол. Халтуринского у. стало появление одной породистой коровы после революции⁴⁹.

Для многих респондентов был непонятен сам вопрос о качественном улучшении в условиях, когда еще не были восстановлены количественные показатели в сравнении с дореволюционным периодом. Известно, что восстановительные процессы во многих национальных районах РСФСР продолжались гораздо дольше, чем было принято обычно считать в прежней историографии. В нашем распоряжении имеется только одно упоминание о превышении численности домашнего скота по сравнению с дореволюционным периодом, причем существенно (дер. Нослы Малмыжской вол. Малмыжского у.⁵⁰), но это, скорее, исключение из правил. Судя по приводимым цифрам до полного восстановления стада в отдельных местностях приуральяского региона было еще очень далеко. И это спустя почти десять лет после революции! Абсолютные показатели, приводимые в большинстве анкет в данном пункте, красноречивее любых других данных первого раздела о социально-экономических преобразованиях. Не менее убедительны и относительные сведения. Приведем лишь небольшую часть из них по разным регионам: «...что же касается количества скота до войны и сейчас, точных сведений установить не удалось, но все же животноводство к довоенному времени доведено приблизительно на 60 %» (дер. Истошур Ягошурской вол. Глазовского у.); «Лошадей после революции уменьшилось на 30 %, а коров на 10 %» (дер. Ильясовское Ярославской вол. Слободского у.); «Улучшение пород скота не заметно. Если взять количество рогатого скота в довоенное время за 100 %, то в настоящее время оно составляет около 80 %» (дер. Ош-Куп Купсолинского р-на Сернурского кантона) и т.д.⁵¹ Привычным явлением было наличие безлошадных и совсем бесскотных хозяйств. Информация о них специально не выделялась программой опроса, но была зафиксирована в некоторых анкетах⁵².

Пункты с 15 по 18 первого раздела анкеты посвящены изучению кооперативного движения. Известно, что кооперирование крестьянских хозяйств – явление отнюдь не новое для российской деревни 20-х гг. XX в., а годы нэпа принято считать своего рода высшей точкой распространения различных видов кооперативных учреждений. Вопросы, поставленные в анкете, пытались охватить основные аспекты внедрения кооперации в деревне. Закономерно, что в первую очередь была заявлена проблема развития производственного кооперирования, не самого распространенного среди доколхозного крестьянства, но считавшегося уже в послереволюционные годы высшей формой кооперации (на пути к социализму). Речь в данном случае велась о наличии сельскохозяйственных артелей и трудовых коммун. Следующие три пункта нельзя признать достаточно продуманными, во всяком случае, конкретными. Респондентам требовалось рассказать о количестве кооперативов и их членов до и после революции, но какие кооперативы имелись в виду, не уточнялось, зато отдельно были выделены «хозяйственные» кооперативы и кредитные товарищества. И в завершение данного тематического блока стоял вопрос о влиянии теперь уже сельскохозяйственной кооперации на введение улучшений

в крестьянских хозяйствах. Ответы были преимущественно односложные и часто не по всем пунктам, встречалась путаница в видовом разнообразии тех или иных кооперативов. Возникает довольно пестрая картина распространения низовых кооперативных учреждений по обширной территории Вятского края. Обратимся для иллюстрации ситуации к сводке по удмуртским селениям Вотской АО и Вятской губ., только по системе производственного кооперирования. Итак, «трудовых коммун и сельскохозяйственных артелей после революции 1917 г. в Люкском районе Базелинской вол., в одном селении Ягошурской вол. и Зуринской вол. нет. В районе четырнадцати селений Ягошурской вол. 19 человек выделились в сельскохозяйственные артели. В Глазовской вол. коммун нет, а артелей всего восемь. В Можгинском уезде есть несколько артелей, а в Ижевском уезде нет. В Кругловском районе была одна сельскохозяйственная, но, как безжизненная, ликвидировалась»⁵³.

Что касается других видов кооперирования, то они изначально должны были иметь больше шансов на успех. Так в действительности в ряде случаев и было, когда мы сталкиваемся не только с голословными утверждениями, что «кооперация увеличивается», но видим конкретные факты наличия тех или иных кооперативных организаций, тем более их появления именно при советской власти. Номенклатура последних разнообразна, хотя не всегда понятно, о каком именно виде кооперации идет речь. Хотя и этот казус объясним при массовом распространении в 1920-е гг. универсальных типов кооперативов. Среди выделенных типов встречаются кредитные товарищества, простейшие сельскохозяйственные кооперативы, артели инвалидов, кустарно-промышленные кооперативы, пчеловодческие и рыболовные артели и т.д.

В несколько ином положении оказалась потребительская кооперация. Обязательное для всего населения в годы военного коммунизма членство в определенном учреждении потребкооперации, отмененное после 1921 г., привело к резкому сокращению потребительских обществ, о чем имеются упоминания в целом ряде анкет (с. Асаново Алнашской вол. и дер. Акаршур Больше-Кибьинской вол. Можгинского уезда; дер. Шукшиер Нурбельского р-на Сернурского кантона⁵⁴). Возрождение же потребительской кооперации на новых, добровольных началах происходило гораздо более скромными темпами, хотя принято считать это направление «флагманом» всего кооперативного движения.

Имелись сложности и с другими видами кооперации. Полнокровному ее развитию мешали как объективные, так и субъективные препятствия. Не редкостью, по-видимому, были случаи фиктивной организации кооперативов для получения разовых выгод: выделения земли, бесплатных семян, сельскохозяйственного инвентаря и т.п. (дер. Сильво Шарканской вол. Ижевского у.⁵⁵). Не хватало организаторов и пропагандистов кооперативного движения, как в упомянутом селении Акаршур, где попытки создать кооператив были, «но за неимением опытных организаторов были неудачные». Курьезный случай был описан по дер. Сосновый Ключ Больше-Учинской вол. Можгинского у., в которой после революции появился один кооператив, состоящий из одного члена⁵⁶. В целом же данные о степени вовлечения местного населения в ту или иную систему кооперации встречаются в отдельных анкетах и в абсолютном выражении, и в относительном виде. Их показатели обычно коррелируют с предыдущими ответами о развитии кооперации в каждом частном случае.

Немалый интерес для историков-аграрников представляет не только сама констатация фактов развития кооперативного движения, но и проблема его эффективности для крестьянского хозяйства нерусского населения Урало-Поволжья. В этом плане неопределима информация, содержащаяся в ответах на вопрос о реальных улучшениях, привнесенных в деревню системой сельскохозяйственной кооперации. Большинство респондентов показали, что подобные улучшения были, хотя встречаются, что тоже естественно, и отрицательные ответы. Какие же это улучшения? Прежде всего, те, осуществление которых обычно было не по карману среднестатистическому земледельцу 1920-х гг.: приобретение как для членов-пайщиков на прокат сельскохозяйственных машин, породистого скота, сортовых семян, выдача семенных и денежных ссуд, сортировка зерна, организация мастерских с последующим обучением и трудоустройством. В последнем случае, к примеру, в удмуртской дер. Сильво Шарканской вол. Ижевского у. при кооперативе было организовано «сапожное, слесарное, кожевенное производство»⁵⁷. В некоторых селениях кооперация превратилась в подлинный центр экономической жизни, как в коми-пермяцком с. Мутница Слудской вол. Халтуринского у., где «вся торговая и хозяйственная деятельность идет почти полностью через кооперацию»⁵⁸. Примерно в пятой части анкет, вместе с тем, отрицается положительное влияние кооперативов на улучшения в сельской экономике. По нашему предположению (все ответы однозначно-неопределенного типа), из-за неразвитости или полного отсутствия самого кооперативного строительства.

С деятельностью сельскохозяйственных, в большинстве своем универсальных, кооперативов очень часто были связаны и такие новшества 1920-х гг., как прокатные пункты, борьба с вредителями сельскохозяйственных культур и распространение новых знаний по земледелию и животноводству через периодическую печать, специальные издания, лекции, выставки и т.п. Для прояснения каждого из этих нововведений были выделены отдельные пункты первого раздела анкеты института краеведения (пп. 19, 21, 22). (Наименее информативен пункт о страховании «движимого и недвижимого имущества» в условиях обязательного в период нэпа страхования отдельных элементов крестьянского хозяйства (наряду с постройками, посевом, скотом и др.). Самим же крестьянством, как правило, игнорировавшим добровольное страхование, оно рассматривалось не более как дополнительное налогообложение⁵⁹.)

Судя по большинству ответов, все нестандартные для традиционного крестьянского уклада дополнительные элементы организации сельскохозяйственного производства по-прежнему выступали в роли новшеств или даже диковинок. Типичный ответ приведен в сводке по трем коми деревням Слудской вол. Халтуринского у.: «Прокатных пунктов до и после революции нет. Мер борьбы против вредителей, так же как и до революции, не применяют. Сельскохозяйственная литература не приобретается»⁶⁰.

Причем если в отношении прокатных пунктов действительная выгода для крестьянского двора была очевидной и респонденты обращали на это внимание, то в отношении борьбы с вредителями и распространения специальной литературы ситуация была сложнее. Впрочем, и у прокатных пунктов имелись свои недостатки, как-то: ограниченный набор машин и орудий, их малое количество, плохое качество и т.п. Так, в Алнашской вол. Можгинского у., судя по анкете, прокатный пункт «есть и пользуются, только какие машины имеются»⁶¹. В двух марийских деревнях Сернурского кантона в одном случае прокатного пункта не было (дер. Ош-Куп Купсолинского р-на), во втором случае он был, но «мари пользуются слишком мало» (дер. Шукшиер Нурбельского р-на)⁶².

Меры по борьбе с вредителями сельскохозяйственных культур также кое-где применялись, но в основном простейшие, известные издревле, типа окапывания полос канавами, «ранней вспашки» и более активно в садах и огородах, а все потому, что, как написано в анкете по дер. Поляково Троицкой вол. Можгинского у., «крестьяне не понимают до сих пор в борьбе с вредителями»⁶³. Иногда просто указывалось, что вредителей в данной местности нет, а в деревне Монашево Камаевской вол. Елабужского кантона единственным средством спасения у местных удмуртов от вредных насекомых было моление «богу Инмару»⁶⁴.

Примерно так же обстояло дело с приобретением литературы по сельскому хозяйству. Распространение специализированной печатной продукции в деревне при высоком удельном весе неграмотных следует считать существенным достижением модернизационного характера. Этот маркер для 20-х гг. XX в. – своего рода высшая методическая стадия на пути интенсификации сельскохозяйственной отрасли. Затронула она, естественно, меньшинство населения, даже среди грамотных, но сам факт наличия интереса среди земледельцев, не просто умеющих читать, но читать по-русски, весьма примечателен. Любопытно, что чтение подобной литературы, по-видимому, имело свои прикладные последствия. Так, по данным респондента из Нылги-Жикьянской вол. Ижевского у., «грамотная и сознательная часть приобретает литературу и пытается новые сведения по сельскому хозяйству применять на практике»⁶⁵. Более того, встречаются упоминания о знакомстве с узкоспециализированными изданиями по садоводству, огородничеству, пчеловодству (дер. Вотское Кизеково Алнашской вол. Можгинского у.)⁶⁶.

Крестьяне, смущавшиеся материальными издержками при приобретении книг, журналов и газет, компенсировали тягу к новым знаниям путем занятий в библиотеках и избах-читальнях, конечно, там, где они имелись. Работники просвещения (учителя, «избачи», «ликвидаторы») также шли на встречу потребностям селян, оказывая помощь в деле пропаганды агрознаний (например, сведения из дер. Чумойтло Можгинской волости)⁶⁷. В целом же, подводя итоги сообщениям последних нескольких пунктов первого раздела анкеты, можно привести красноречивое и одновременно емкое высказывание одного из студентов Вятского пединститута, сделанное им на основе личных наблюдений по всему Можгинскому у.: «Литературу просят, но переход к новому пугает»⁶⁸.

Таким образом, большинство первичных данных, нашедших отражение в анкетах Вятского НИИ краеведения, представляет, ввиду уникальности большинства сообщаемых сведений, значительный исследовательский интерес. Разумеется, не только в узких рамках собственно аграрных пре-

образований, о чем собрано большинство показаний респондентов и сводной информации, но и в более широком плане изменений всего жизненного уклада послереволюционной деревни Вятского края. Многочисленные детали, нюансы и оттенки, не в последнюю очередь этнические, как микроисторического характера, так и более широкие по территориальному охвату, передают все многообразие образа жизни удмуртского, марийского и коми-пермяцкого крестьянства региона, что едва ли возможно проследить в комплексе по другим документальным свидетельствам. Задуманные как первоисточники статистического вида анкеты П.Н. Луппова в равной мере претендуют на роль повествовательных материалов, что существенно повышает их источниковедческую ценность в сопоставлении с близкими по видовому признаку документами и прочими источниками эпохи послереволюционных преобразований.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: *Шмидт С.О.* «Золотое десятилетие» советского краеведения // *Отечество. Краеведческий альманах.* М., 1990. Вып. 1. С. 11–27.
- ² Вятский педагогический институт им. В.И. Ленина (1918–1928). Вятка, 1928.
- ³ Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен (1924–1927 гг.)». Ижевск; Йошкар-Ола, 2008.
- ⁴ См.: *Бердинских В.А.* Историк на грани эпох: Павел Луппов – первый историк удмуртского народа. Ижевск, 1991.
- ⁵ Научно-отраслевой архив Удмуртского института истории языка и литературы УрО РАН. Оп. 2Н. Д. 11.
- ⁶ *Загребин А.Е., Иванов А.А.* Прошлое удмуртов и марийцев Малмыжского уезда в анкетах П.Н. Луппова // *Марийский археографический вестник.* 2007. Вып. 17. С. 187–198; *Загребин А.Е., Иванов А.А.* Анкеты 1920-х гг.: из документального наследия Вятского института краеведения // *Отечественные архивы.* 2008. № 4. С. 76–83.
- ⁷ *Матвеева Е.В.* Работа в области этнографии за годы революции в г. Вятке // *Этнография.* 1927. № 2. С. 369.
- ⁸ *Иванов А.А.* Сложные земельные общины в национальной деревне Поволжья и Приуралья (конец XIX – первая треть XX века) // *Вопросы истории.* 2004. № 1. С. 149–154; *Никитина Г.А.* Удмуртская община в советский период. 1917 – начало 1930-х годов. Ижевск, 1998; и др.
- ⁹ Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен (1924–1927 гг.)». С. 58.
- ¹⁰ *Там же.* С. 393, 410.
- ¹¹ *Там же.* С. 31, 85.
- ¹² *Там же.* С. 103.
- ¹³ *Там же.* С. 67.
- ¹⁴ *Там же.* С. 94.
- ¹⁵ *Там же.* С. 311.
- ¹⁶ *Там же.* С. 336, 337.
- ¹⁷ *Там же.* С. 267.
- ¹⁸ *Там же.* С. 363.
- ¹⁹ *Там же.* С. 77.
- ²⁰ *Там же.* С. 223.
- ²¹ *Там же.* С. 451.
- ²² Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. М., 1954. С. 32, 33.
- ²³ Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства РСФСР. 1920. № 31. С. 153.
- ²⁴ Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954 гг. С. 198.
- ²⁵ Марийская деревня. 1925. 3 октября.
- ²⁶ Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен (1924–1927 гг.)». С. 50, 113, 364.
- ²⁷ *Там же.* С. 226.
- ²⁸ *Там же.* С. 385.
- ²⁹ *Там же.* С. 226, 250.
- ³⁰ *Там же.* С. 346.
- ³¹ *Там же.* С. 32.
- ³² *Там же.* С. 59, 68.
- ³³ *Там же.* С. 445.
- ³⁴ *Там же.* С. 198, 363.
- ³⁵ *Там же.* С. 223.
- ³⁶ См.: *Там же.*
- ³⁷ *Там же.* С. 396.
- ³⁸ *Там же.* С. 59, 66, 338.

³⁹ Там же. С. 385.

⁴⁰ Там же. С. 215.

⁴¹ Там же. С. 59.

⁴² Там же. С. 268.

⁴³ Там же. С. 394.

⁴⁴ Там же. С. 294.

⁴⁵ Там же. С. 32, 78, 394.

⁴⁶ Там же. С. 234, 377.

⁴⁷ Там же. С. 445.

⁴⁸ Там же. С. 451.

⁴⁹ Там же. С. 338, 347.

⁵⁰ Там же. С. 269.

⁵¹ Там же. С. 68, 69, 277, 370.

⁵² Там же. С. 286.

⁵³ Там же. С. 446.

⁵⁴ Там же. С. 114, 131, 364, 365.

⁵⁵ Там же. С. 223.

⁵⁶ Там же. С. 252.

⁵⁷ Там же. С. 223.

⁵⁸ Там же. С. 347.

⁵⁹ Клишева В.А. Крестьянские хозяйства Удмуртии 1917–1927 гг.: Социально-экономический анализ. Ижевск, 2008; Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск, 2004.

⁶⁰ Революция для всех: Анкеты Вятского научно-исследовательского института краеведения «Влияние революции на быт нацмен (1924–1927 гг.)». С. 451.

⁶¹ Там же. С. 173.

⁶² Там же. С. 365, 372.

⁶³ Там же. С. 105.

⁶⁴ Там же. С. 395.

⁶⁵ Там же. С. 227.

⁶⁶ Там же. С. 33.

⁶⁷ Там же. С. 190, 191.

⁶⁸ Там же. С. 60.

Поступила в редакцию 17.12.09

A.E. Zagrebin, doctor of history, professor

A.A. Ivanov, candidate of history, associate professor

The strokes to the history of peasants in Ural-Volga region in the first post-revolutionary decade (by the new sources from the archive of Udmurt Institute for History, Language and Literature of Ural Branch of the Russian Academy of Sciences)

The article is devoted to the problem of new documental sources by the history of multinational peasants (udmurts, mari and komi-permjaks) in Ural-Volga region (1924–1927).

Keywords: study of local lore, P.N.Luppov, national minorities, questionnaires, peasant world.

Загребин Алексей Егорович, доктор исторических наук, профессор

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН

426004, Россия, г. Ижевск,

ул. Ломоносова, 4;

E-mail: zagreb72@izh.com

Иванов Алексей Ананьевич, кандидат исторических наук, доцент

ГОУ ВПО «Марийский государственный университет»

424000, Россия, г. Йошкар-Ола

пл. Ленина, 1

E-mail: anani@marsu.ru